

18+

Гамиль Латыпов

Красный сок Аметиста

Рамиль Латыпов
Красный сок Аметиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73113488

ISBN 9785006893276

Аннотация

«Красный сок Аметиста никогда не отмыть». С этой угрозы началась её война. Сомелье против всеильного олигарха. Древний виноградник – ставка в борьбе, где правда – самое опасное оружие.

Содержание

Глава 1: Идеальный букет	5
Глава 2: Корни под землёй	14
Глава 3: Приглашение домой	24
Глава 4: Возвращение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Красный сок Аметиста

Рамиль Латыпов

© Рамиль Латыпов, 2026

ISBN 978-5-0068-9327-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Идеальный букет

Воздух в зале дегустации «Le Sommet» был таким же тщательно выверенным, как и букеты в бокалах. В нём витали ноты воска от свечей, дорогого парфюма с оттенком сандала и, конечно, вина – сложного, многогранного, раскрывающегося с каждым мгновением. Мария Соколова, стоя у центрального стола из полированного дуба, держала бокал с лёгкостью, будто это было продолжение её пальцев. Её движения были плавными, почти ритуальными: лёгкий взмах, склонение головы, глубокий, но нешумный вдох.

– Каберне Совиньон, долина Напа, 2018 год, – её голос, низкий и уверенный, заполнил собой тишину, наступившую после её жеста. – Обратите внимание на первый аромат. Не спешите. Это не просто чёрная смородина. Это тёплая смородина, сорванная на закате, когда в ягодах накапливается весь день солнца. А теперь... подождите. Чувствуете? Сухой шалфей и кедровая щепка. Следы пожара, который прошёл вдали от виноградника год назад, дым которого окутал лозы лишь на один день. Вино помнит.

Двадцать пар глаз следили за каждым её движением. Банкиры, инвесторы, владельцы галерей. Люди, которые покупали не бутылки, а истории. А Мария была непревзойдённым рассказчиком. В тридцать девять лет она превратилась в легенду сан-францисской винной сцены. Её рекомендация

могла поднять цену на лот в два раза. Её блог «Винный камень» читали от Токио до Парижа. Её жизнь, какой её видели другие, была безупречным полотном, сотканным из успеха, стиля и безукоризненного вкуса. Ничего лишнего. Ни одного пятна.

Она поставила бокал, позволив гостям сделать первый глоток. Вспыхнул лёгкий, довольный гул. Идеальный букет. Идеальная подача. Идеальная Мария.

– Как вам удаётся улавливать такие нюансы, Мария? – спросил пожилой мужчина в очках в тонкой оправе, один из главных коллекционеров штата. – Это дар или годы тренировок?

Мария улыбнулась, и эта улыбка была частью её арсенала – тёплая, но сдержанная, обещающая глубину, которую никогда не позволяла себе показать полностью.

– Вино – самый честный собеседник, мистер Дэвидсон. Оно не умеет лгать. Просто нужно научиться его слушать. А для этого нужно... забыть всё, что ты знаешь. Каждый раз.

Это была её коронная фраза. Глубокомысленная, медитативная. Все кивали, впечатлённые. Никто не догадывался, насколько буквально она это говорила. «Забыть всё, что ты знаешь». Это была не философия. Это была инструкция по выживанию. Ежедневный ритуал.

Дегустация перетекла в неформальное общение. Звеня смех, приглушённые разговоры о винтажах, курсах акций, новых ресторанах. Мария парила между гостями, легко

вставляя комментарии, вспоминая предпочтения каждого. Её платье – тёмно-бордовое, простого кроя из шёлка – было выбрано не просто так. Цвет молодого бургундского. Она была живой метафорой, и все это подсознательно считывали.

Её помощник Марк, элегантный и стремительный, как колибри, материализовался у её локтя с новым бокалом – на этот раз с водой.

– Ты божественна, как всегда, – прошептал он. – Старик Дэвидсон уже просил у менеджера шесть ящиков того каберне. И приглашение на ужин в твой новый клуб. Опять.

– Вежливо отклони, – тихо ответила Мария, не теряя улыбки для пары, проходившей мимо. – Скажи, я полностью поглощена подготовкой к осенней серии мастер-классов.

– То есть лежишь в ванне с книжкой и игнорируешь звонки? Я так и передам, – парировал Марк. Он был единственным человеком в Сан-Франциско, кто видел её без «грима». Кто знал, что её безупречная кухня чаще всего используется лишь для разогрева доставленной еды, а на балконе дорогого лофта в Саут-Бич живут не экзотические орхидеи, а упрямый, вечно полусохший кактус, который она когда-то купила у метро в порыве ностальгии по чему-то живому и колючему.

Вечер подходил к концу. Гости, наполненные вином и впечатлениями, начали расходиться. Мария стояла у огромного окна, за которым горел неон ночной Сан-Франциско, и позволяла усталости на мгновение коснуться

уголков её глаз. Пик. Она была на пике. Казалось, что так будет всегда. Тишина, опустившаяся в зал, была сладкой и заслуженной.

– Мадам Соколова, для вас.

Она обернулась. Один из официантов, молодой парень с безукоризненно гладкой причёской, держал небольшой серебряный поднос. На нём лежал один-единственный конверт из плотной, кремовой бумаги. Без логотипа. Без адреса. Только её имя, выведенное чётким, почти каллиграфическим почерком чёрными чернилами.

– Кто передал? – спросила Мария, не беря его.

– Не знаю, мадам. Его оставили у стойки администратора. Сказали – лично в руки после дегустации.

Лёгкая тень беспокойства скользнула по её спине, но лицо оставалось невозмутимым. Она кивнула, взяла конверт. Бумага была приятной, дорогой на ощупь. Возможно, благодарность от одного из гостей. Или приглашение на какое-то эксклюзивное мероприятие. Так часто бывало.

Марк, упаковывая её вещи, бросил любопытный взгляд.

– Любовная записка от тайного поклонника? Может, от того грустного итальянца с винодельни в Монтальчино?

– От грустного итальянца пришли бы цветы и целый ящик брунелло, – отозвалась Мария, проводя пальцем под клапаном. Клей был сухим, конверт не запечатан.

Внутри лежал один лист той же бумаги. Ни приветствия, ни подписи. Только одна строчка, выведенная тем же чётким

почерком. Но не на английском.

На русском.

Язык её детства. Язык, на котором она не говорила вслух уже больше десяти лет. Язык снов и кошмаров.

Буквы встали перед глазами, простые и чудовищные.
«Красный сок „Аметиста“ никогда не отмыть».

Время остановилось. Звон бокалов, доносившийся из кухни, смех Марка, шум машин за окном – всё это утонуло в гуле, нарастающем в её ушах. Кровь отхлынула от лица, оставив ледяное онемение. Она почувствовала, как пальцы произвольно сжимают бумагу, мну дорогую бумагу.

«Красный сок...»

Не вино. *Сок*. Детское слово. Травмирующе-уменьшительное.

«...„Аметиста“...»

Не «Аметист», драгоценный камень. А «Аметиста» – так, с мягким, деревенским окончанием, называли они свой семейный виноградник. Так его звала только её семья и соседи. Это было не публичное название. Это было домашнее имя. Прозвище.

«...никогда не отмыть.»

Она ощутила запах. Не воображаемый, а физический, ворвавшийся сквозь два десятилетия и тысячи километров. Запах влажной земли после дождя, забродившего виноградного жмыха, разлитого на каменном полу старого подвала... и чего-то ещё. Медного, резкого. Запах, от которого сжимал-

ся желудок.

«Маришка? Ты где, Маришка?» – эхом отозвался в памяти детский голосок. Антон. Ей было двенадцать, ему – семь.

«Мария? Эй, земля вызывают Марию Соколову!»

Голос Марка пробился сквозь гул. Он стоял перед ней, и его шутливое выражение лица сменилось на тревожное.

– М, что случилось? Ты белая, как это наше шардоне. Ты выглядишь, будто увидела призрак.

Она попыталась сделать вдох. Воздух с трудом прошёл в сжатые лёгкие.

– Ничего. Просто... устала. Головная боль. – Её собственный голос прозвучал чужим, плоским, без привычных интонаций.

– Что это? – Марк взглянул на листок в её руке. – О, киллиница. Что-то из России? От родственников?

Она машинально сложила листок, сунула его в конверт, а затем – в свою небольшую клатч, закрыв его с таким щелчком, будто запирала сейф.

– Не родственники. Родственников нет, – сказала она слишком резко. Потом смягчила: – Просто... реклама. Надоедливая. Пойдём, Марк. Я хочу домой.

В лимузине по дороге в Саут-Бич она молчала, уставившись в тёмное окно, но не видя сверкающих огней моста. Она видела другое: низкое серое небо над Волгой, покосившийся забор, ряды неухоженных лоз, их «Аметисту». И красное пятно. Большое, растущее, как ужасный цветок

на серой земле у входа в погреб.

Она закрыла глаза.

Всю дорогу до своего лофта, пока Марк беспокоясь бубнил о графике на завтра, пока лифт бесшумно поднимал её на двадцатый этаж, она чувствовала жжение в сумочке. Будто тот клочок бумаги не просто лежал там, а излучал холодный, мертвящий жар.

Она вошла в безупречный интерьер своего дома – открытое пространство в индустриальном стиле, где каждая вещь была предметом дизайна. Всё было на своих местах. Идеальный порядок. Но теперь этот порядок казался хрупким карточным домиком.

Не включая свет, она прошла к панорамному окну, поставила сумочку на бетонный подоконник и вынула конверт. Лунный свет и свет города были достаточны, чтобы ещё раз прочесть эту фразу.

«Красный сок „Аметиста“ никогда не отмыть.»

Кто? Кто мог знать? Кто мог посметь?

В голове начали возникать образы. Соседи? Все, кто мог знать ту историю, либо давно уехали, либо... предпочли забыть. Как и она. Местные власти? История была оформлена как трагический несчастный случай. Закрыта. Навсегда.

И тут, как удар хлыста, пришла догадка. Недавняя новость, промелькнувшая в её профессиональной ленте, на которую она тогда не обратила особого внимания. Русский олигарх, Григорий Воронов, скупающий винодельни по все-

му миру. Его компания «Воронов Групп» проявляла активность в Новом Свете, Бордо. И вскользь упоминалось о его интересе к «перспективным землям в Среднем Поволжье» для создания «винного кластера нового поколения».

Её родные места.

Холодная ясность, острее страха, пронзила её. Это не было случайностью. Это не было ностальгией или шуткой. Это был выстрел. Предупредительный. Прицельный.

Она подошла к мини-бару, налила себе чистого виски, не глядя на бутылку. Выпила залпом. Огонь прошёл по горлу, но не смог прогреть внутренний леденец.

Её телефон, оставленный на кухонном острове, вибрировал. Она взглянула. Уведомление из профессионального чата. Коллега из Нью-Йорка скинул ссылку на свежую статью в отраслевом издании «Vinous Spectator». Заголовок: «Новые игроки на мировой винодельческой карте: русский капитал идёт на Запад». На фото – суровый мужчина лет пятидесяти с пронзительным взглядом и сединой на висках. Григорий Воронов.

Мария увеличила фото. В его глазах не было простой деловой хватки. Там была та же холодная, хищная уверенность, что и в почерке на том листке. Он смотрел прямо в камеру, будто видя сквозь неё. Будто видя её.

Она отбросила телефон, будто он ужалил.

«Забывать всё, что ты знаешь».

Но прошлое, похоже, забывать не собиралось. Оно нашло

её. Оно явилось сюда, в самое сердце её идеальной жизни, в виде семи слов на родном языке. И эти семь слов грозили размыть всё: карьеру, репутацию, тщательно выстроенную личность Марии Соколовой – сомелье из Сан-Франциско.

Она подошла к окну, прижала ладонь к холодному стеклу. Внизу раскинулся город её побед, сияющий, безразличный. А где-то там, за океаном, в темноте и тишине забытой деревни, лежало то, что она оставила. И теперь это поднималось из земли, как старые корни, чтобы опутать её.

Дегустация, триумф, идеальный букет – всё это казалось теперь сценой из какого-то чужого, наигранного спектакля. Настоящая пьеса, мрачная и давно заброшенная, только что подняла занавес. И у неё не было текста своей следующей реплики.

Только вкус виски, горький и обжигающий, на языке. И леденящий страх, медленно сменяющийся чем-то другим. Глухим, твёрдым. Не страхом, а пониманием.

Игра началась. И первым ход был не её.

Глава 2: Корни под землёй

Солнце, резкое и безжалостное, било в иллюминатор. Мария прикрыла глаза, но образы из прошлой ночи уже впились в веки, жгли изнутри. Самолёт «Аэрофлота» ревел, набирая высоту над Северным Ледовитым океаном, беря курс на восток, к Москве, а затем – на юг, к Волге. К месту, которого она боялась больше, чем любой катастрофы.

Рядом в кресле бизнес-класса дремал Марк, с трудом втиснув свои длинные ноги. Он согласился лететь с ней, назвав это «безумием, но безумием фотосессий для блога». Он не знал настоящей причины. Он верил в версию про «внезапную возможность развития русского проекта, уникальные автохтонные сорта». Мария была благодарна его болтовне – она заполняла пустоту, в которую она могла провалиться.

Она отвернулась к окну, к бескрайнему белому безмолвию под крылом, и позволила памяти накрыть себя с головой. Не той выхолощенной, что она демонстрировала в интервью («моё детство среди виноградных лоз вдохновило меня на путь сомелье»), а настоящей. Грязной, пахнущей, живой.

Деревня Привольное, 1994 год.

Лето пахло пылью, навозом, нагретой смолой на столбах

и, конечно, виноградом. Не изысканным букетом, а густым, сладковато-кислым, почти одуряющим запахом брожения, который стоял над всей деревней в августе. Их дом был крайним, у самого обрыва к Волге. Дом – это громко сказано. Изба, почерневшая от времени, с покосившимися ставенками.

«Аметиста» – так ласково называл её отец, Николай. Небольшой клочок земли за домом, на южном склоне. Тридцать пять корней старого, полудикого винограда, сорт «Цимлянский чёрный». Не для продажи. Для себя. Для радости. Для папиного вина, которое он делал в старом бетонном погребе, доставшемся от деда.

Марине было двенадцать. Она ненавидела эту «Аметисту». Ненавидела ползать между лозами, обрезать усики, сдирать с рук липкий сок. Ненавидела запах погреба – сырость, плесень, железо. Она мечтала о городе. О блестящих витринах, о духах в воздухе, о другой жизни, где не будет этого вечного запаха земли и забродившего суслу.

Её отдушиной был Антон. Младший брат, семь лет, вечный хвостик с взъерошенными волосами цвета пшеницы и веснушками по всему лицу. Он обожал «Аметисту». Для него это была джунгли, крепость, тайная страна.

«Маришка, пойдём, я тебе покажу! Там гроздь, как твоя голова!» – тащил он её за руку.

«Отстань, Тошка. Мне надо уроки».

Но чаще она шла. Потому что в его глазах не было её тоски. Там было чистое любопытство к миру. Он собирал жу-

ков, залезал на старый дуб, что рос на краю участка, и кричал оттуда, что видит пароход. Он был её противоположностью. Её светлым отражением в грязном зеркале деревенского быта.

И была ещё одна тень на том детстве. Гришка Воронов. Сын самого богатого человека в округе – председателя колхоза, а потом и владельца первой частной фермы. Гришке было лет шестнадцать, он был высоким, угловатым, с жёстким взглядом. Он проезжал мимо их дома на мопеде «Верховина», поднимая тучи пыли, и иногда останавливался. Смотрел на неё, на их убогий дом, на виноградник. Не с презрением даже. С холодным, оценивающим безразличием, будто разглядывал кусок неудобной, но потенциально полезной земли.

«Что, Колька, всё на своём пойле сидишь? – кричал он отцу, который молча копался у лоз. – Место тут золотое, а ты виноград городишь. Продавал бы, пока деньги дают».

Отец не отвечал. Только сплёвывал в сторону и тяжелее втыкал лопату. Мать боязливо шептала из окна: «Не связывайся, Коля. Они сейчас всеильные».

Марина чувствовала жгучую ненависть к этому Гришке, к его сытому лицу, к его мопеду. Ненависть, замешанную на зависти. Он был из того мира, в который она хотела бежать, но он сам казался здесь хозяином, королём грязи и наглости.

А потом пришла осень 1994-го.

Сбор. Виноград был тёплым, почти горячим от солнца, тёмно-фиолетовым, почти чёрным. Сок, попавший на кожу, оставлял несмываемые лиловые пятна. Отец и мать таскали вёдра. Антон носился как угорелый, пытаясь помочь, но только мешая. Марину отправили в погреб – вымыть бочки и большую деревянную давяльную-жмыходавку.

Погреб. Вечный, леденящий ужас её детства. Она спустилась по скользким каменным ступеням с фонарём «жучком». Воздух был плотным, пахнувшим землёй, грибами и старой кислотой. Стены, сложенные из дикого камня, местами покрылись белой пушистой плесенью. Она принялась скрести бочку, стараясь думать о чём угодно, только не о том, как здесь темно и тихо. О том, как она уедет. Обязательно уедет.

Шум наверху был сначала обычным – голоса, стук вёдер. Потом он изменился. В нём появилась какая-то резкость. Голос отца стал громче, злее. И другой голос – низкий, нахальный. Гришкин голос.

Марина замерла, прислушиваясь.

«...говорю тебе последний раз, Колька. Земля по бумагам колхозная. А колхоз теперь – я. Ты тут самовольничаешь. По-хорошему предлагаю – забирай свою рухлядь и съезжай. Дадим тебе пятьсот баксов. Царские деньги по нынешним временам».

«Убирайся, щенок! – рявкнул отец. – Земля моих предков! Здесь мой дед ещё...»

«Твой дед был кулак, которого раскулачили, – холодно пе-

ребил Гришка. – Так что не твоя она. И не будет. Сам не уйдёшь – выкурим. Жалко, пацана жалко...»

Что-то грохнуло. Крики матери. Рёв отца. И вдруг – пронзительный, испуганный крик Антона.

Марина бросилась к ступеням. Сердце колотилось так, что вот-вот выпрыгнет. Она выскочила из погреба, ослеплённая светом.

Картина стояла перед ней, как кадр из старого, залитого красным фильма. Отец, с окровавленной губой, вцепился в грузовик «ГАЗ», который Гришка пригнал, стоявший прямо на краю виноградника. Мать пыталась его оттащить. А на земле, у самого входа в погреб, лежал Антон. Рядом валялось опрокинутое ведро с только что собранным виноградом. Тёмно-фиолетовый сок растёкся лужей. И в этой луже... было что-то алое, яркое, живое, смешивающееся с виноградным.

Красный сок. Красный сок «Аметиста».

Марина не помнила, как подбежала. Помнила только липкую теплоту, страшную, не виноградную. Помнила белое, перекошенное от ужаса лицо брата. Его широко открытые глаза, смотревшие куда-то внутрь, не на неё.

«Тошка... Антошка...» – её собственный голос прозвучал как шёпот сумасшедшего.

Она подняла голову. Гришка Воронов стоял у кабины грузовика. Не испуганный. Не раскаивающийся. Шокированный, да. Но в его глазах читался быстрый, холодный расчёт.

Он смотрел на отца, на мать, на неё, на брата. И этот взгляд был не человеческим. Это был взгляд хозяина, оценивающего ущерб на своей территории.

«Это несчастный случай, – громко, чётко сказал он. – Падан оступился, упал на камень. Вы сами видели».

Отец издал звук, похожий на рык раненого зверя, и рванулся к нему. Но Гришка был быстрее и моложе. Он отшатнулся, вскочил в кабину.

«Помощь вызовем! – крикнул он уже из окна. – Но помните – несчастный случай. И если начнёте трепаться... у вас ещё дочь растёт».

Грузовик дёрнулся с места, раздавив несколько лоз, подняв клубы пыли, и умчался.

Дальше – калейдоскоп ужаса без звука. Мать, завывающая над телом. Отец, бегущий к соседям за помощью. Она, Марина, сидящая на земле в липкой луже, держащая на коленях голову брата и чувствующая, как жизнь уходит от него вместе с теплом. Запах. Этот ужасный, навсегда врезавшийся в память запах – сладкого винограда, железа и пыли.

Потом – милиция, формальности, деньги, переданные через подручного. «Несчастный случай. По недосмотру родителей». Отец запил. Мать сломалась. А через полгода их не стало – старый газовый баллон, пьяный сон, пожар. Её, чудом спасшуюся соседку, отправили в детдом в райцентре.

Она выжгла это из себя. Сменила имя с «Марины» на «Марию». Училась так, будто от этого зависела жизнь. Бе-

жала из страны при первой возможности. Стирала акцент, манеры, память. Строила новую личность с нуля, как строят небоскрёб – слой за слоем, прочно, безжалостно. «Аметиста» стала просто красивой историей для журналистов. Трагическая гибель семьи – поводом для сочувствия и налёта романтической грусти.

И вот теперь он вернулся. Григорий Воронов. Не щенок на мопеде, а олигарх с капиталом. И его послание было ясно: я тебя помню. Я знаю. И если захочешь, я это использую.

– Ма? М, ты в порядке?

Марк тронул её за плечо. Мария вздрогнула, оторвавшись от окна. Она была вся в поту, пальцы впились в подлокотники.

– Ты плакала? – спросил Марк, и его голос стал мягким, без привычной иронии.

Она провела рукой по щеке – она была мокрой.

– Не спалось, – хрипло сказала она. – Приснилась... турбулентность.

Марк не поверил, но кивнул.

– Сколько ещё лететь?

– До Москвы – три часа. Потом пересадка, ещё полтора на местном рейсе до Волгограда. Оттуда – машина.

«Машина до Привольного», – мысленно добавила она. К месту, где её прошлое не было мёртвым. Оно лежало, как мина, под тонким слоем забвения. И кто-то только что на-

ступил на предохранитель.

Она достала телефон, снова нашла статью о Воронове. Теперь она смотрела на его лицо не как на угрозу издалека, а как на лицо убийцы. Не прямого, нет. Но того, чья жадность и наглость запустили маховик, раздавивший её семью. Его интерес к земле был не бизнес-планом. Это была навязчивая идея. И он не успокоился, пока не получит то, что считал своим.

Мария закрыла глаза, пытаясь загнать призраков обратно в тёмный угол памяти. Но они не уходили. Они шептали. Они пахли. Они напоминали, что «красный сок „Аметиста“» – это не метафора. Это та самая лужа, в которой смешался виноградный сок и кровь её брата. И Воронов знал это. Он знал, что она там была. Он знал, что она помнит.

Самолёт вошёл в зону турбулентности, слегка подбрасывая. Марк вскрикнул с комичным ужасом и ухватился за подлокотник. Мария же не шелохнулась. Её уже трясло изнутри куда сильнее.

Она смотрела на свои руки. Ухоженные, с безупречным маникюром. Руки сомелье, умеющие оценить возраст вина по цвету, температуру – по следу на бокале. Те же руки, которые двадцать четыре года назад были липкими от той самой, страшной смеси. Она всегда мыла их с особым тщанием. А теперь понимала – некоторые пятна не на коже. Они – внутри. И приглашение Воронова, этот «винный форум», был не просто ловушкой. Это было требование явиться с по-

винной. Или быть публично уничтоженной.

Но в груди, рядом с леденящим страхом, начинал теплиться крошечный, едва уловимый уголёк. Не надежда. Нечто более примитивное и сильное. Гнев. Чёрный, старый, как сама земля «Аметисты», гнев.

Он отнял у неё всё. И теперь, когда она, казалось, обрела всё, он снова протягивал свою лапу, чтобы отнять снова.

«Нет, – прошептала она так тихо, что даже Марк не услышал сквозь рёв двигателей. – Нет, Григорий. На этот раз – нет».

Она не знала, что будет делать. Не знала, как бороться с человеком, у которого в кармане целое государство в миниатюре и её самое грязное прошлое. Но она знала одно: она больше не будет бежать. Она летела навстречу своему страху. И, возможно, именно там, в красно-чёрной земле под Волгой, лежал не только её позор, но и ключ. К чему – она не знала.

Но впервые за много лет она почувствовала не тоску по идеальному, блестящему будущему. А тягу к чему-то настоящему. Даже если это настоящее было опасно и полно боли.

Самолёт пробил облака, и внизу открылась бескрайняя, тёмно-зелёная тайга, прорезанная серебряными нитками рек. Россия. Её забытая, страшная, бесконечно большая родина. Она вдохнула воздух салона – стерильный, обезличенный – и впервые за долгое время почувствовала вкус чего-то

иного на языке. Вкус пыли, полыни и старой обиды.

Игра, начатая одной фразой в конверте, теперь имела поле. И Мария должна была научиться играть на нём. Или быть сметённой с доски навсегда.

Глава 3: Приглашение домой

Отель «Волго-Дон Плаза» в Волгограде пах одновременно коврами советской эпохи и свежим лаком недавнего евроре-монта. Мария стояла у окна своего номера на восьмом эта-же, смотря на панораму города, раскинувшегося вдоль вели-кой реки. Вечернее солнце окрашивало воду в цвет расплав-ленной меди и кидало длинные тени от монумента «Роди-на-мать зовёт!», чей силуэт властно доминировал над гори-зонтом.

Она ждала. С момента посадки в Волгограде её телефон молчал, и эта тишина была громче любого звонка. Марк, уставший от перелётов, отсыпался в соседнем номере, строя планы на «культурную разведку» и фото для соцсетей. Он не понимал, что они уже попали на минное поле.

Вибрация в кармане джинсов заставила её вздрогнуть. Не звонок. Электронное письмо.

От: Офис Председателя Правления, «Воронов Групп»

Тема: Официальное приглашение и программа участия в Международном винном форуме «Волга-Терруар»

Текст был составлен на безупречном английском, с налё-том той показной утончённости, которую нувориши копиру-ют с западных образцов.

«Уважаемая г-жа Соколова! Имеем честь подтвердить ва-шу регистрацию в качестве почётного гостя и спикера...»

Далее шла стандартная информация о датах, месте (загородный комплекс «Белый Лебедь» в тридцати километрах от Волгограда), темах круглых столов.

Мария пробежала глазами, пока не нашла то, что искала. Пункт программы на второй день форума: **«Автобусный тур и дегустация. Посещение перспективных винодельческих участков в Калачёвском районе, включая исторические земли бывшего колхоза „Приволжский“».**

Калачёвский район. Привольное.

Сердце упало, а потом начало биться с такой силой, что звон стоял в ушах. Это была не ловушка, поставленная на удачу. Это был тщательно спланированный спектакль, где ей отводилась роль либо покорной марионетки, либо публично унижаемой дуры.

Она почти машинально открыла браузер, проверила почту. И замерла. Во «Входящих» лежало ещё одно письмо, пришедшее час назад с неизвестного адреса. Тема: «Для Марии Соколовой. Срочно.»

Сердце ёкнуло. Она открыла его. Это была ссылка на онлайн-версию популярного международного винного журнала «The Grape Times» и короткий текст: «Рекомендуем ознакомиться. Ваша репутация начинает интересовать не только нас.»

Мария кликнула по ссылке. Статья была свежей, сегодняшней. Заголовок: **«За дымкой ароматов: тёмные тай-**

ны звёзд сомелье».

Она начала читать, и с каждой строчкой лёд в её жилах сковывал всё сильнее. В статье не было прямых обвинений. Там был изящный, ядовитый намёк. Автор, скрывающийся под псевдонимом «Vino Veritas», рассуждал об этике в мире вина, о важности безупречной биографии для тех, кто судит о продукте, требующем чистоты восприятия. И затем, в качестве «гипотетического примера», приводилась история:

«...Представьте себе сомелье высочайшего уровня, чья карьера построена на образах аутентичности, связи с землёй. А что, если эта связь – лишь миф, прикрывающий трагедию, случившуюся по вине её собственной семьи? Если земля, которую она романтизирует в интервью, на самом деле – место детской трагедии, следы которой были... аккуратно замечены местными властями? Можно ли доверять суждению человека, чья собственная история – фальшивка, построенная на костях?»

Имя не называлось. Но любому, кто следил за миром вина, было ясно, о ком речь. Упоминались «российское происхождение», «драматичная история семьи, погибшей при пожаре», «возрождение из пепла». Это была она. Её фирменная легенда, которую она сама же и культивировала. Только теперь эта легенда оборачивалась другой стороной – грязной, подозрительной.

Комментарии под статьей уже набирали десятки. «Интригующе...», «Всегда чувствовал в её образе какую-то наиг-

ранность», «Ждём разоблачений!», «Если это правда – это конец карьеры».

Мария откинулась на спинку кресла, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться. Это был первый, точный удар. Цель – не уничтожить сразу, а посеять сомнение. Подкопать почву под её ногами. К моменту, когда она появится на форуме Воронова, эта статья уже облетит весь профессиональный мир. Она придёт не как уважаемый эксперт, а как фигура с подмоченной репутацией, которую можно либо «простить» (став послушной), либо добить.

Она сгребла волосы в пучок, закрыла лицо ладонями. Паника, липкая и знакомая, подступала к горлу. Бежать. Сейчас же. Сказать Марку, что передумала, купить билеты обратно, вернуться в Сан-Франциско и отсидеться. Написать опровержение. Нанять дорогих пиарщиков...

Но тут же пришло понимание: бесполезно. Воронов начал войну на её территории. В мире медиа и репутаций. И у него были неограниченные ресурсы и полное отсутствие сомнений. Она могла отступить сейчас, и тогда следующая статья будет уже с документами, со свидетельствами, с её настоящим именем – Марина. С фотографиями того самого места. С «несчастливым случаем», который легко представить как «преступную халатность семьи, приведшую к гибели ребёнка».

Её телефон завибрировал снова. На этот раз звонок. Незнакомый российский номер.

Она взяла трубку, не в силах выдать ни звука.

– Алло? Мария Николаевна? – Голос был приятным, почтительным, без малейшего акцента. – С вами говорит Артём, помощник господина Воронова. Мы получили подтверждение вашего участия в форуме. Господин Воронов лично просил передать, что он в восторге от возможности наконец встретиться с легендарной соотечественницей. Он помнит ваши... родные места. И очень надеется, что ваш экспертный взгляд поможет оценить их истинный потенциал.

Каждая фраза была отточена, как лезвие. «Легендарная соотечественница» – насмешка. «Помнит ваши родные места» – угроза. «Истинный потенциал» – намёк на то, что она должна сыграть по его правилам.

– Передайте господину Воронову, – голос её прозвучал хрипло, и она сглотнула, стараясь взять себя в руки, – что я с нетерпением жду... плодотворного диалога.

– Прекрасно! – помощник звучал искренне обрадованным. – Тогда до встречи на открытии. О, и ещё одна деталь. Господин Воронов, зная вашу любовь к аутентичности, организовал для вас специальный... частный визит в те самые места, до официального тура. Завтра утром, если удобно. Чтобы вы могли освежить воспоминания без лишних глаз. Для вдохновения, так сказать.

Частный визит. Без лишних глаз. Её снова тянуло вырвать, но желудок был пуст.

– Это... очень предусмотрительно, – выдавила она.

– Отлично! Машина будет у отеля в девять утра. Всем хорошего вечера.

Связь прервалась.

Мария медленно опустила телефон. Он дрожал в её руке. Воронов не просто заманивал её в ловушку. Он вёл её туда за руку, предлагая самой оценить масштаб своей будущей клетки. «Освежить воспоминания».

Она подошла к мини-бару, налила воды из пластиковой бутылки, но пить не смогла. В горле стоял ком.

Стук в дверь. «Ма? Ты там? У меня идея, куда сходить на ужин! Здесь, говорят, есть супер-аутентичный грузинский...»

Она открыла Марку. Он замер, увидев её лицо.

– Что случилось? Ты выглядишь, будто тебе только что сказали, что «Поморское» – лучшее игристое мира.

– Марк, – её голос был тихим, но чётким. – Мне завтра рано уезжать. Частная... экскурсия. По винодельческим местам.

– О, круто! Я с тобой!

– Нет. – Она слишком резко это сказала и смягчила: – Это закрытое мероприятие. Только для избранных спикеров. Ты погуляй, поснимай город. Разведай обстановку.

Марк прищурился. Он не был дураком.

– М, что происходит? С тех пор, как мы прилетели, ты ведёшь себя как загнанная лань. Это из-за той статьи? Я её видел. Чушь собачья. Закажем опровержение, надавим через

наших юристов...

– Это не поможет, – перебила она. – Здесь... другие правила. Дай мне просто сделать то, зачем я приехала.

Марк хотел что-то возразить, но увидел что-то в её глазах – ту самую сталь, которая иногда проглядывала за её утончённостью, когда она отстаивала на дегустации свою точку зрения. Он сдался.

– Ладно, босс. Но если что – я на подхвате. Ты же знаешь, я мастер по созданию диверсий и стильных скандалов.

Она слабо улыбнулась. – Знаю. Спасибо, Марк.

Когда он ушёл, она осталась одна со своим страхом и новым, проросшим сквозь него решением. Бегство было невозможно. Оставался один путь – вперёд. Сквозь все ловушки и унижения. Она должна увидеть это место. Вдохнуть его воздух. Столкнуться лицом к лицу с призраками. Возможно, только так она поймёт, как можно бороться.

Она подошла к окну. Над Волгой сгущались сумерки, зажигались огни. Где-то там, в темноте за рекой, лежала «Аметиста». Место, где она умерла как Марина и родилась как Мария, полная ненависти к своему прошлому. Теперь ей предстояло вернуться туда, чтобы либо умереть окончательно, либо найти способ воскреснуть по-настоящему.

Она достала тот самый кремовый конверт из сумочки, вынула листок. «Красный сок „Аметиста“ никогда не отмыть».

– Ошибаешься, – прошептала она в стекло, за которым отражалось её бледное, решительное лицо. – Можно. Но для

этого нужно не смывать. Нужно... понять, из чего он состоит. И кому это выгодно.

Она разорвала листок на мелкие кусочки и спустила их в унитаз. Это был мелкий, бесполезный жест бунта. Но он был важен. Первый шаг к сопротивлению.

Завтра в девять утра машина Воронова увезёт её в прошлое. Она боялась этого как смерти. Но впервые за много лет она чувствовала не просто страх. Она чувствовала ясность. Ясность загнанного в угол зверя, который понимает, что назад дороги нет.

Ей оставалось только дождаться утра и встретить свою судьбу лицом к лицу. На той самой земле, которая когда-то поглотила её детство и теперь, возможно, требовала его обратно – уже взрослым, уже сильным, уже готовым к бою.

Она легла, но не спала, прислушиваясь к непривычным звукам русского города за окном и к ещё более громкому гулу собственного сердца, отсчитывавшего последние часы покоя.

не

Глава 4: Возвращение

Чёрный «Мерседес» V-класса с тонированными стеклами мчался по трассе, оставляя за собой облако пыли, поднятой с обочины. Внутри пахло кожей, дорогим освежителем воздуха с запахом «морской бриз» и скрытым напряжением. Мария сидела на заднем сиденье одна, рядом с водителем – молодой, поджарый человек в тёмных очках, представившийся как Евгений и не сказавший за всю дорогу ни слова.

Они свернули с федеральной трассы на асфальтовую дорогу, затем на бетонку, а потом и вовсе на щебёночно-грунтовый просёлок. Каждое ухабистое метание машины отзывалось в Марии резким сокращением мышц живота. Пейзаж за окном медленно менялся с равнинного, степного на более холмистый, с редкими перелесками и оврагами. Она узнавала эти места. Не конкретно, но генетически. Как будто клетки её тела начинали вибрировать на другой частоте.

Вот старый кирпичный силос, покосившийся, с выбитыми окнами. Вот группа тополей у пруда, который теперь больше походил на зелёное болотце. Деревня Привольное не появлялась внезапно. Она медленно выростала из земли: сначала одинокие, полузаброшенные домики на отшибе, потом покрашенные в яркие цвета дома «новых русских» с высокими заборами, и наконец – центральная улица, или то, что от неё

осталось.

Мария прижалась лбом к прохладному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле. Она видела старую школу, где училась в первом классе, теперь с заколоченными окнами. Видела магазин «Продукты», вывеску которого не меняли лет тридцать. Видела людей. Пожилых женщин в платочках, сидящих на лавочках. Мужиков в тренировках, копошащихся у стареньких «Жигулей». И все они на мгновение замирали, провожая взглядом чёрную иномарку, несущуюся по их умирающей улице. Их взгляды были пустыми, привыкшими к тому, что из этого мира лишь приезжают забирать что-то, но не привозить.

«Я отсюда. Я одна из них», – пронеслось в голове, но мысль казалась абсурдной, издевательской. Она была здесь чужой. Провалом во времени.

Машина проехала через всю деревню и, не останавливаясь, двинулась дальше, к волжскому обрыву. Туда, где кончался населённый пункт и начиналось её прошлое.

– Здесь будете выходить, – наконец нарушил молчание Евгений, остановив машину на краю полевой дороги, дальше которой шла лишь колея для трактора. – Вам туда. – Он кивнул в сторону зарослей кустарника и низкорослых деревьев. – Я буду ждать здесь. У вас час.

Он не предложил помочь, не вышел из машины. Просто откинулся на сиденье и уставился в телефон. Охранник, курьер и надзиратель в одном лице.

Мария вышла. Воздух ударил в лицо. Он был густым, тяжёлым, наполненным запахами полыни, нагретой земли и... да, влажного речного песка. Она сделала шаг, потом другой. Ноги сами понесли её по старой, почти нечитаемой тропинке, ведущей вдоль обрыва.

И вот она оказалась на краю. Перед ней расстилалась Волга, широкая, величавая, несущая свои коричневатые воды к Каспию. А прямо под обрывом, на террасированном склоне, заросшем бурьяном, лохом и дикой сливой, угадывались... ряды. Неровные, покосившиеся, почти полностью поглощённые природой, но всё ещё угадываемые. Ряды старых лоз. *Её* лоз.

«Аметиста».

Сердце сжалось так больно, что она схватилась за грудь. Она стояла на том самом месте, где когда-то стоял их дом. От него не осталось и следа – лишь небольшая впадина в земле, заросшая крапивой, да несколько обломков кирпича, почти ушедших в почву. Пожар и время стёрли всё.

Она медленно, как лунатик, начала спускаться по тропе к винограднику. Колючки цеплялись за её дорогие льняные брюки, пыль покрывала замшевые лоферы. Она не обращала внимания. Её взгляд был прикован к тому месту у подножия склона, где когда-то был вход в погреб. Каменная кладка ещё сохранилась, но вход был завален землёй и мусором.

И тут она увидела его. Тот самый дуб. Старый, могучий, с обломанной нижней веткой. Под ним, как тогда, лежал

большой, плоский камень. Место, куда упал Антон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.